

Это всегда какой-нибудь он

Шоссе 222

Смерть не черная, как вечная ночь, и не белая, как свет в туннеле; она цвета серый металлик и произведена в Германии, для езды без ограничения скорости. Снег, похожий на пласты тумана, висел над Вэрмдёледен, снежинки словно замерзли в воздухе. Автомобиль прорезал белую массу; когда он проезжал торговый центр “Накка-Форум”, спидометр показывал сто пятьдесят километров в час.

Метрах в тридцати за ним следовала другая машина, тоже на ста пятидесяти километрах в час. Красная “тойота-примус”, гибридный автомобиль, который спустя несколько лет производитель отзовет по причине дефекта тормозов; из-за этой неисправности произойдет несколько аварий со смертельным исходом. На повороте у Свиндерсвикен “тойоту” занесло и потащило вдоль дорожного ограждения в вихре искр.

Машина “серый металлик” еще прибавила скорости. Сто шестьдесят километров в час; две девушки улынулись друг другу.

Мерси крепче схватилась за руль.

Нова отбросила волосы со лба и закурила.

Она опустила окошко, и в машине засвистел ветер.

— Видела? Мы с ним разделились.

— С ним? Откуда ты знаешь, что это “он”?

— Это всегда какой-нибудь он.

На развязке, где Вэрмдёледен пересекается с Вэрмдёвэген, стрелка спидометра дрожала уже на ста восьмидесяти. Девушки не знали, что две полицейские машины поджидают их возле участка в Хенриксдале, что полицейские уже готовы растянуть ленту с шипами.

— Девяносто процентов всех убийств и девяносто девять процентов изнасилований совершают мужчины, — сказала Нова. — А из ста педофилов только два — женщины.

— А еще они любят мучить животных, — вставила Мерси.

— Из тысячи любителей трахаться с другими видами... — Нова рассмеялась, — коровами, например, козами, собаками и беспомощными цыплятами...

— ...девятьсот девяносто девять — мужчины, а единственную женщину, готовую сунуть в себя конский член, обучил и выдрессировал какой-нибудь мужчина.

— Они придумали групповые изнасилования, атомную бомбу и электрический стул.

— Вот что у них в голове?

— А самомнение! Все знают, все могут. А на самом деле они — одна большая ошибка, эволюционный просчет.

— Да. Одно в них хорошо — они чуть не миллиард

раз в день или бьют, или убивают друг друга. Почему им вообще дается право голоса?

— Родается мужчина — рождается потенциальный людоед или педофил. Надо лишать их всяких прав с самого рождения...

Нова и Мерси были знакомы не слишком долго, но сдружились так крепко, что иногда казались одним человеком.

— Пусть бы эти деятели, прежде чем открыть рот, сначала доказали бы, что собираются сказать что-нибудь поинтереснее того, что скажет первая встречная девица. И так во всем мире, во все века.

Они не видели мигалки возле моста Данвикс-брун.

Не видели и ленты с шипами.

Улыбка Мерси внезапно исчезла.

— Убить десять случайно выбранных мужчин значит предотвратить сорок восемь жестоких преступлений, — сказала она. — Включая убийства и сексуальную эксплуатацию детей. Хорошо бы всех мужчин, прямо с самого дня рождения, подталкивать к самоубийству.

— Мой настоящий папа покончил с собой, — напомнила Нова.

— Пусть бы они самоубивались все, кроме твоего и моего папы.

— Да... все, кроме них.

Двести километров в час сквозь зависший в воздухе снег. Двести метров до разводного моста в Данвикстулле. Они не знали, что некий полицейский связался с дежурными и приказал развести мост, чтобы остановить их безумную гонку.

— Мне хорошо с тобой, — сказала Мерси. — Когда ты рядом, мне хочется есть.

Они — Нова и Мерси.

Нова видит перед собой комнату в холодной, пропахшей спиртным квартире в Фисксэтре. Мерси видит теплый домик с мамой, папой и двумя толстенькими братишками.

Они знают, по каким дорогам ушли оттуда.

Знают, какие дороги привели их сюда. К последней черте.

К концу.

Они просто гонят машину дальше.

Произведенная в Германии машина цвета серый металлик принадлежала Свену-Улофу Понтену,そろка пяти лет, жителю Стоксунда, заместителю директора фирмы с годовым оборотом в восемьдесят миллионов. Несколько дней назад он остановил машину на автозаправке в Книвсте и открыл дверцу чернокожей девушке по имени Мерси, шестнадцати лет.

Он дал ей пятисотку и расстегнул брюки; обозвал черномазой шлюхой и потребовал раздеться. В двадцати метрах от них кассир принимал от клиента плату за бензин.

Когда Свен-Улоф Понтен кончил, девушку вырвало. Молочным шоколадом и ошметками бутерброда с сыром. Свен-Улоф дал ей затрещину, наорал и обозвал мокрошелкой, которая загадила ему машину, тупой сраной сукой.

Потом у него зазвонил телефон. Звонила его жена.

Свен-Улоф Понтен застегнул брюки и принял звонок. Мягким голосом сказал, что скоро приедет

домой, осталось всего одно дело, короткая встреча с важным клиентом.

Он вылез из машины; кассир на заправке как раз пробил чек за горячий бутерброд и кока-колу. Мерси слышала, как Свен-Улоф говорит, что любит жену и ждет не дождется, когда ее увидит.

Потом пара поцелуев в трубку. Когда Свен-Улоф повернулся, чтобы идти к машине, то увидел, как Мерси уезжает.

“Целую-целую”. Иди в жопу, сраный кобель.